

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ НА ПАМЯТНИКЕ ТАРТАС-1 (БАРАБИНСКАЯ ЛЕСОСТЕПЬ)*

Статья посвящена обоснованию культурной и хронологической принадлежности новых материалов, обнаруженных в ходе раскопок могильника Тартас-1. Анализ погребальных конструкций и керамики позволяет связывать их с материалами изученных ранее могильников Старый Сад и Гришкина Заимка. Отмечается возможность аналогий с памятниками пахомовской культуры.

Ключевые слова: Барабинская лесостепь, эпоха поздней бронзы, могильник Тартас-1, погребальные конструкции, вещевой инвентарь.

В начале 80-х гг. прошлого века был впервые поставлен вопрос о присутствии в комплексах эпохи поздней бронзы лесостепной Барабы керамики и захоронений, отличающихся от материалов классической ирменской культуры [Молодин, 1981]. Впоследствии эта проблема получила дальнейшее обоснование в ряде специальных работ [Молодин, 1985; Молодин, Чикишева, 1988]. Однако особенно остро она прозвучала после раскопок памятника Старый Сад, выявивших представительную группу захоронений эпохи поздней бронзы с особой, отличной от ирменской культуры, погребальной практикой и не менее своеобразным инвентарем, прежде всего – керамикой [Молодин, Нескоров, 1992].

С тех пор систематически продолжающиеся раскопки в Барабинской лесостепи давали все новые материалы, в той или иной мере связанные с подобными комплексами.

Особенно следует отметить могильник Гришкина Заимка, на котором исследована курганная группа, несомненно, относящаяся к обсуждаемому культурному образованию (материалы могильника Гришкина Заимка, относящиеся к различным культурам эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья, опубликованы лишь в небольших заметках и в настоящее время находятся в стадии подготовки монографического издания). Кроме того, появились исследования, посвященные осмыслению материалов эпохи поздней бронзы лесостепного Прииртышья (прежде всего, памятников пахомовской культуры) [Корочкова, 2009; 2010], имеющих несомненные параллели с выше обозначенными комплексами в Барабе, а также изучению культур эпохи поздней бронзы в соседней с Барабой Кулундинской степи. Кроме того, в 2010 г. были продолжены раскопки могильника Старый Сад

* Работа выполнена в рамках проекта НИР «Западная Сибирь и сопредельные территории в древности и средневековье: народы и культуры» программы НИР на 2010–2012 гг. IX.81.2. «Этнокультурные процессы в Северной Азии: от древности к цивилизации» и гранта Президента РФ по поддержке научных школ (научная школа академика В. И. Молодина, НШ-5107.2010.6).

[Молодин и др., 2010], после завершения которых планируется монографическое издание материалов этого памятника.

Решение проблемы восточной оконечности пахомовских древностей чрезвычайно важно для понимания эпохи в целом в масштабах, по крайней мере, западной части Северной Азии. Поэтому появление каждого нового объекта и его научное осмысление приобретает весьма важное значение. К числу таких объектов следует отнести погребальный комплекс, выявленный при изучении памятника Тартас-1, расположенного на правом берегу одноименной реки, в непосредственной близости от места впадения р. Тартас в р. Омь, рядом с такими хорошо известными в науке памятниками, как Сопка-2 и Старый Сад (Венгеровский район Новосибирской области) (рис. 1).

Изучение памятника Тартас-1 ведется на протяжении последних восьми лет. В результате исследований методом полного вскрытия всей площади объекта, с ориентацией на геофизический мониторинг, от вни-

мания исследователей не ускользнул ни один объект, несмотря на то, что наземные сооружения, которые в ряде случаев, несомненно, имели место, безвозвратно утрачены в результате строительства и многолетнего функционирования грунтовой дороги районного значения Венгерово – Чаны, а также впоследствии ежегодной распашки.

В 2004 г. при исследовании раскопов 2, 3, 23, 24 были обнаружены остатки погребального сооружения достаточно сложной конструкции, а также керамика, позволяющая отнести комплекс к эпохе поздней бронзы. Конструкция представляла собой земляное сооружение в виде системы двух рвов, оконтуривающих яму (рис. 2). Стратиграфически объект был воздвигнут на грунтовом могильнике кротовской культуры, перерезая погребения № 36 и 38. В свою очередь, конструкция была перерезана более поздними ямами, вероятно, относящимися к эпохе железа. Земляная насыпь (если она, конечно, была) до нашего времени не сохранилась.

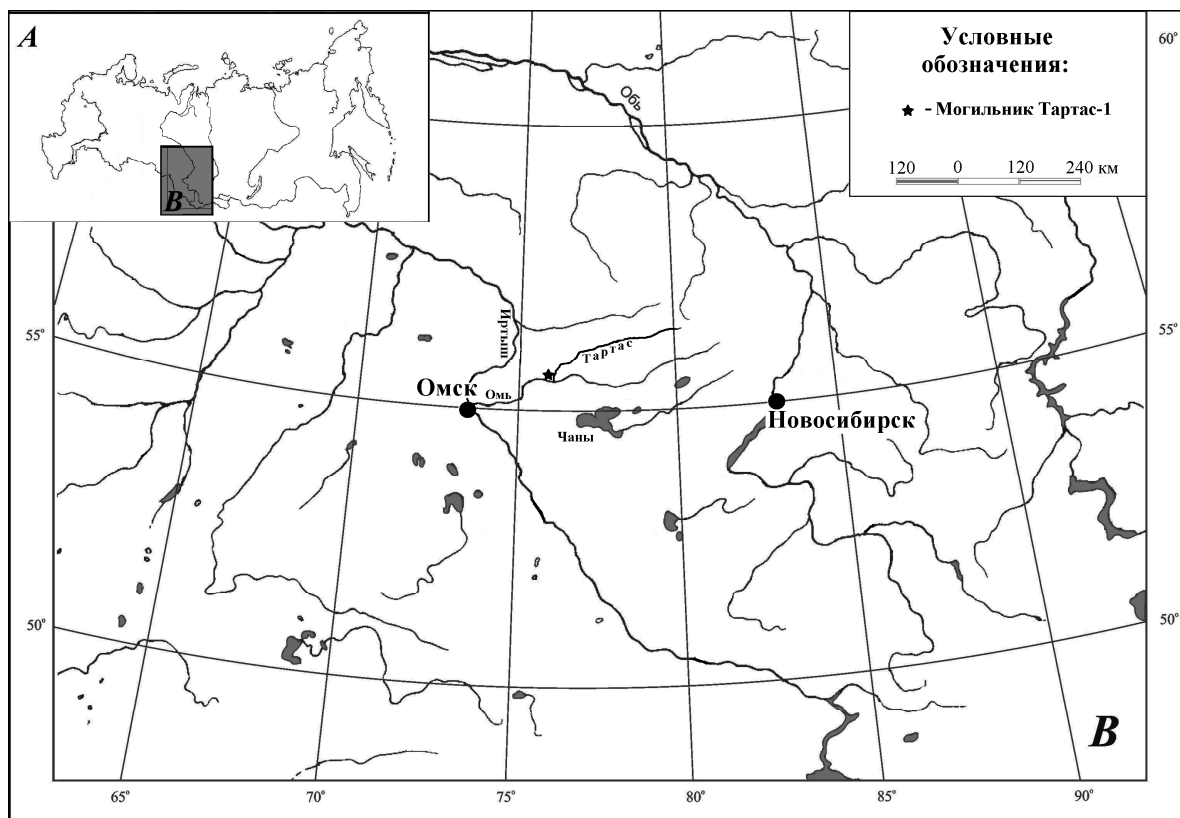

Рис. 1. Географическое расположение памятника Тартас-1

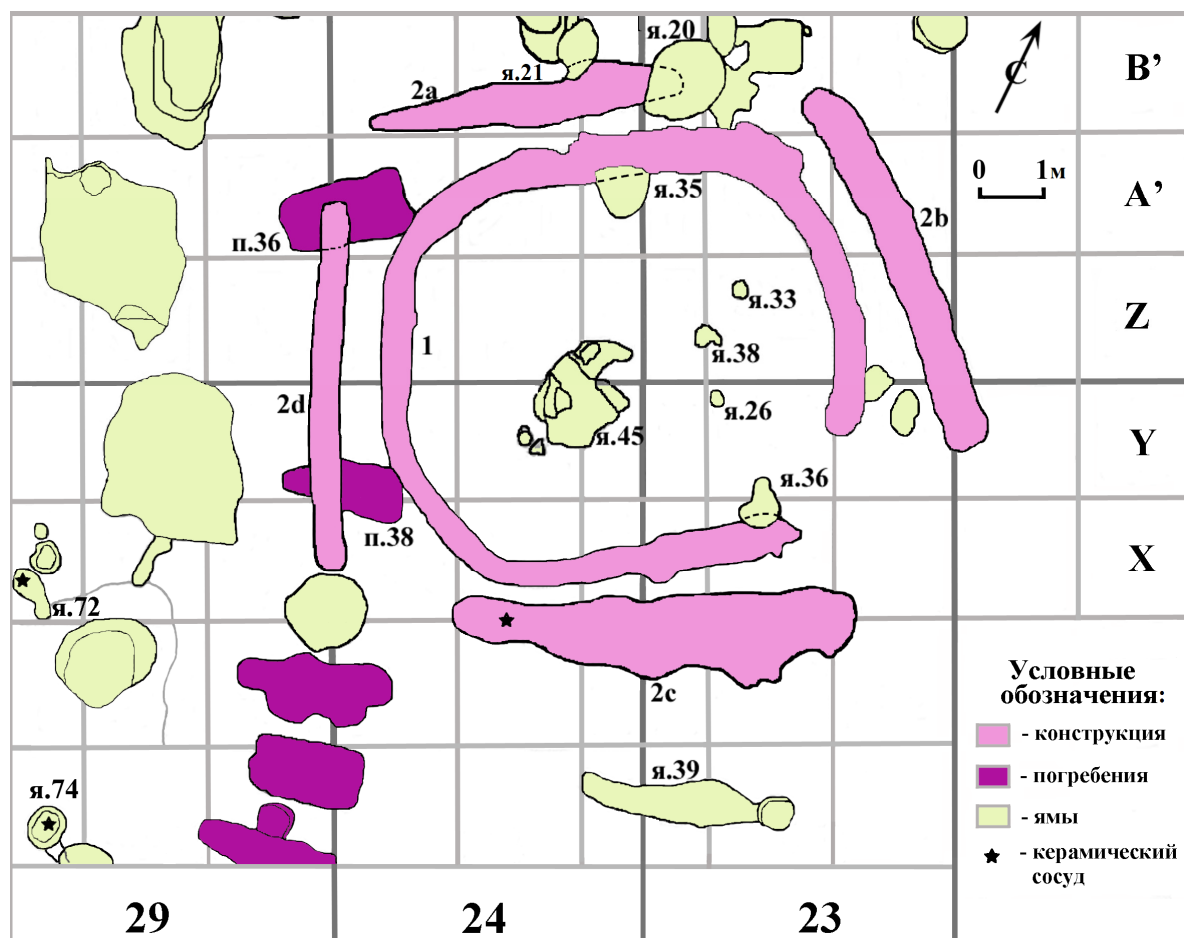

Рис. 2. План сооружения эпохи поздней бронзы могильника Тартас-1

Внутренний ров сооружения (конструкция 1) (см. рис. 2) представляет собой разомкнутое подчетыреугольное углубление. По своему контуру ров в плане имеет форму, близкую к квадратной с закругленными углами, которые ориентированы по сторонам света. В восточном углу рва оставлен проход шириной 1,37 м. Ширина рва колебалась в пределах 0,37–0,62 м, внутреннее расстояние между сторонами варьировалось от 6,05 до 7,24 м. Глубина рва от уровня современного материка 0,25–0,4 м (далее все приводимые глубины также даются от уровня современного материка). Понятно, что реальные глубины рвов были не менее чем на 0,2 м больше. Профиль рва U-образный. Заполнение представляло собой плотную супесь, которая в верхней части имела темно-серый цвет и была однородной, а ближе ко дну в ней местами фиксировались серые, серо-коричневые и серо-желтые включения, вероятно следы влаги, свидетельствующие о том, что какое-

то время ров был открытым. В заполнении найдены 11 фрагментов керамики, большинство которых отнесено к эпохе поздней бронзы, а также неопределимые фрагменты костей животных. В северной части ров перекрыт более поздней ямой № 35, а в восточной – ямой № 36. Таким образом, ров оконтуривал сакральное пространство с входом в восточной части площадью свыше 42 кв. м.

Внешний ров (конструкции 2a–d) состоял из четырех траншей и подчеркивал ориентацию и форму внутреннего рва. Разрывы в углах между траншеями ориентированы на С, Ю, З, В (с незначительными отклонениями). Внешний периметр этой сложной конструкции колеблется в пределах 9–11,2 м. Удаление углублений конструкции 2 от конструкции 1 – 0,15–1,4 м. Каждый из четырех изолированных рвов требует особого описания.

Конструкция 2a является северо-западной частью комплекса. Ее верхний контур

имеет форму вытянутого овала размерами 5,0 × 0,72 м, ориентирован по линии СВ – ЮЗ. Стенки чашевидные, плавно сужающиеся ко дну. Расстояние до конструкции 1–0,3 м. В материк конструкция углублена до 0,4 м. Очень плотное супесчаное заполнение имеет серо-коричневый цвет, ближе ко дну приобретая более светлый оттенок. В продольном разрезе фиксируются тонкие размытые горизонтальные прослойки желтоватого оттенка. Очевидно, как в случае с внутренним рвом, это свидетельствует о периодическом наличии воды во рве. Восточная часть углубления перекрыта поздними ямами № 20 и 21. В заполнении обнаружены мелкие кальцинированные косточки животных.

Конструкция 2b образовывала северо-восточную часть комплекса. Верхний контур имел форму вытянутого прямоугольника со скругленными углами. Размеры 6,2 × 0,7 м, глубина ровика – до 0,33 м (увеличивается к С). Расстояние до края конструкции 1–0,5 м. Заполнение аналогично описанному для конструкции 2a. Дно плоское, стены имеют небольшой наклон. В заполнении обнаружены фрагмент бронзовой пластины и фрагменты керамики эпохи поздней бронзы.

Конструкция 2c являлась юго-восточной частью комплекса. Верхний контур имел форму неправильного прямоугольника с округлыми углами, вытянутого по линии СВ – ЮЗ, размерами 6,55 × 1,44 м. Расстояние до конструкции 1–0,4 м. Глубина – 0,32–0,4 м (увеличивается к В). Дно ровное, стенки имеют небольшой наклон. Заполнение аналогично описанному для конструкции 2a. В западной части ровика, на глубине 0,06–0,1 м, обнаружено бессистемное, но компактное скопление сравнительно мелких фрагментов одного сосуда (рис. 3, 1). Реконструкция сосуда показала, что это емкость горшковидной формы с высокими плечиками, с максимальным диаметром тулова больше, чем диаметр по венчику, что придавало изделию одутловатость. У него плавно профилированная горловина и округлый венчик. Дно, по-видимому, было уплощенным. Венчик сосуда гладкий, шейка украшена цепочкой подтреугольных вдавлений, тулово декорировалось тремя параллельными лентами из наклонных оттисков мелкогребенчатого штампа, ограниченных с двух сторон горизонтальными рядами оттисков

этого же штампа. Верхняя кромка подчеркнута цепочкой подтреугольных вдавлений. Такие емкости типичны для керамики эпохи поздней бронзы, прежде всего для ирменской и карасукской культур. Рядом с развалом сосуда залегали мелкие кости животных, в том числе молочный зуб коровы. В заполнении ровика обнаружены еще несколько фрагментов керамики.

Конструкция 2d являлась юго-западной оконечностью комплекса. Верхний контур имел подпрямоугольную, вытянутую по линии СЗ – ЮВ форму с закругленными углами, с небольшим изгибом к З, дублируя форму конструкции 1. Длина его не менее 5,8 м, ширина 0,45–0,5 м. Сооружение углублено в материк на 0,24–0,25 м. Глубина плавно уменьшается к краям. Заполнение – аналогичное описанному для конструкции 2a. Находок в ровике нет. Южной и северной частью сооружения перекрыты погребения № 36 и 38 (см. рис. 2). Интересно отметить, что к ЮВ от ровика 2c, на расстоянии около 2 м, зафиксирован еще один ровик, сооруженный параллельно первому – он получил наименование «яма № 39». Длина его чуть больше 3,5 м, контур неровный, оконечности закруглены, глубина 0,3 м. Заполнение ровика аналогично выше описанным, находки отсутствуют. Не исключено, что данный ровик имеет непосредственное отношение к конструкции. Почти в центре оконтуренной ровиками площадки обнаружена яма № 45. Яма имела аморфную форму и неровное, уступчатое дно. Не исключено, что при этом было полностью уничтожено захоронение. Кроме того, на центральной площадке обнаружено еще несколько небольших ям: № 26, 33, 38, при этом ямы № 35 и 36 перерезали внутренний ровик, являясь сооружениями более поздними, чем сама конструкция.

Таким образом, перед нами, несомненно, остатки погребального сооружения эпохи поздней бронзы, отличающиеся от погребальных памятников ирменской культуры. Однако следует упомянуть, что на отдельных ирменских кладбищах (например, Преображенка-3) зафиксированы курганы, которые имели по периметру четырехугольный прерывистый ровик с находками в нем сосудов с костями животных [Молодин, Чикишева, 1988], но эта черта для ирменской культуры Барабинской лесостепи является скорее исключением, чем правилом. Разно-

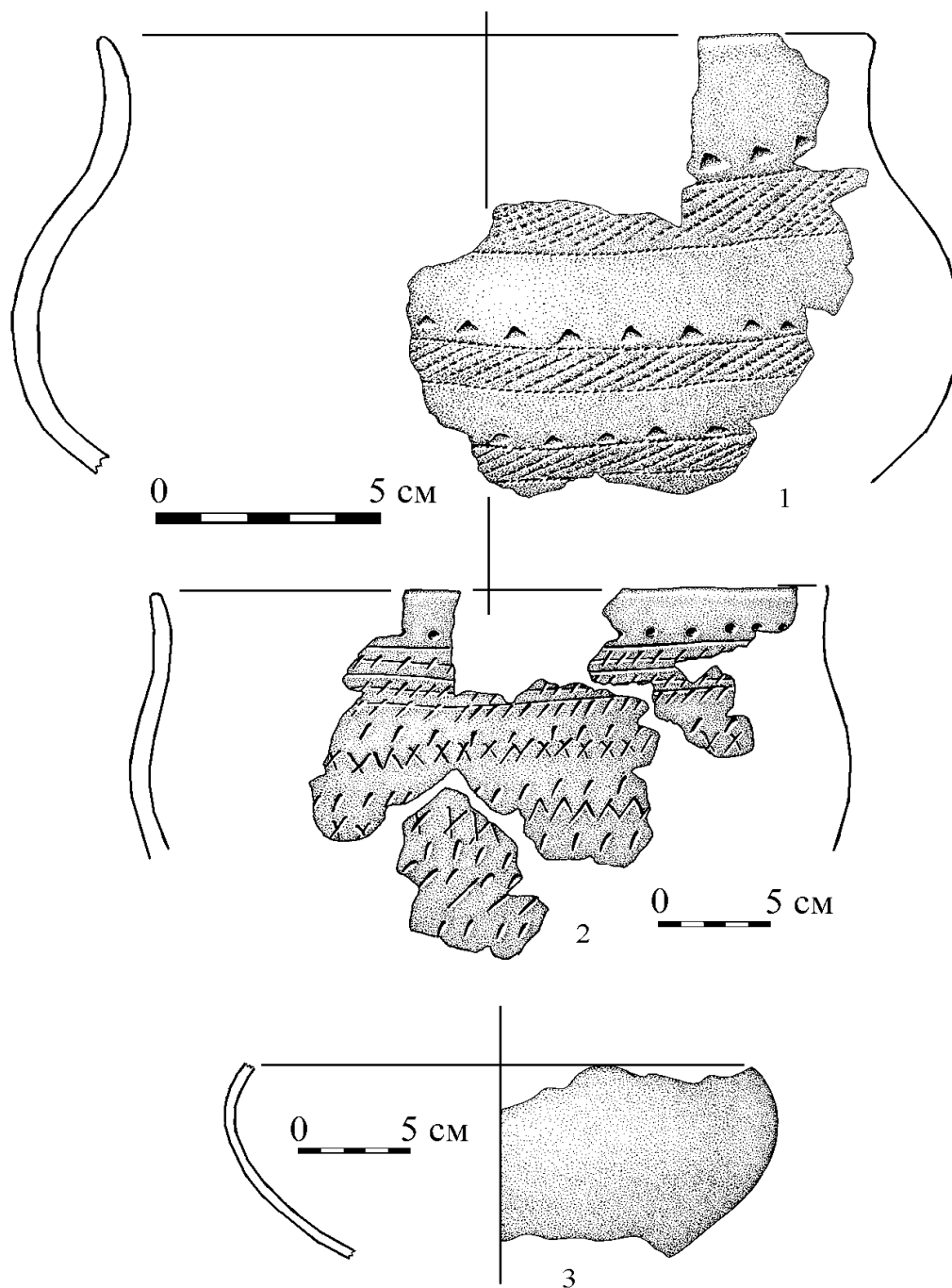

Рис. 3. Керамика из сооружения эпохи поздней бронзы могильника Тартас-1:
1 – керамический сосуд из конструкции 2с; 2, 3 – керамические сосуды из ям № 72 и 74

образные по схеме ровики в сочетании с земляными насыпями и аналогичными сосудами мы находим на памятнике Старый Сад [Молодин, Нескоров, 1992]. Однако здесь не было обнаружено столь сложных систем обрамления сакрального пространства. В то же время на выше упомянутом могильнике встречаются, вероятно, вторичные погребения, где кости скелета вместе с

одним или двумя сосудами помещались на уровне погребенной почвы. Скорее всего, проявление подобной погребальной практики зафиксировано и на памятнике Тартас-1.

Близкие аналогии охарактеризованному сосуду мы находим в памятниках пахомовской культуры. При этом если орнаментация его достаточно специфична, то форма и зонирование орнамента вполне сопоставимы

[Евдокимов, Стефанов, 1980]. Определенную близость можно усмотреть с сосудами из могилы № 271 могильника ЕК-II [Матющенко, 2004. С. 232. Рис. 341, 2].

Не исключено, что охарактеризованное сооружение на памятнике Тартас-1 было не единственным. Об этом свидетельствуют находки примерно в 3 м к ЮЗ от конструкции двух ям № 72 и 74 с пологими стенками, в которых обнаружены фрагменты двух сосудов (рис. 3, 2, 3). И хотя находки эти весьма фрагментарны, все же реконструкция форм сосудов демонстрирует их несомненную принадлежность к эпохе поздней бронзы. Кроме того, один из сосудов (рис. 3, 2) имеет абсолютные аналогии в комплексах пахомовской культуры [Корочкова, 2010. Рис. 22, 1; 30, 3, 9, 20, 25]. Что касается последнего сосуда, входящего в анализируемый комплекс (рис. 3, 3), то аналогии ему можно найти как в классических ирменских комплексах [Матвеев, 1993], так и в пахомовских [Корочкова, 2010. Рис. 14, 9, 13].

Анализируемый в данной работе комплекс, несомненно, сопоставим с уже открытыми и исследованными в Барабе могильниками: Старый Сад, Гришкина Займка и другими одиночными захоронениями, эпизодически встречаемыми в этом регионе. Очевидно, что он принадлежит к особой культуре, достаточно своеобразной по сравнению с ирменской и более всего напоминающей пахомовские древности. Его следует относить к эпохе поздней бронзы. Впереди особая работа по обобщению этих весьма представительных материалов и их интерпретации.

Список литературы

Евдокимов В. В., Стефанов В. И. Поселение Прорва // Археология Прииртышья. Томск: Изд-во ТГУ, 1980. С. 41–52.

Корочкова О. Н. Пахомовская культура // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 3(39). С. 75–84.

Корочкова О. Н. Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андроноидные древности Тоболо-Иртышья). Екатеринбург: УралЮрИздат, 2010. 104 с.

Матвеев А. В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск, 1993. 182 с.

Матющенко В. И. Еловский археологический комплекс. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. Ч. 2: Еловский II могильник. Доирменские комплексы. 468 с.

Молодин В. И. О связях ирменской культуры с бегазы-дандыбаевской культурой Казахстана // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Новосибирск: Наука, 1981. Вып. 1. С. 15–17.

Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.

Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Дураков И. А., Кобелева Л. С. Продолжение исследований могильника эпохи поздней бронзы Старый Сад в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2010. Т. 16. С. 247–250.

Молодин В. И., Нескоров А. В. О связях населения Западно-Сибирской лесостепи и Казахстана в эпоху поздней бронзы // Маргулановские чтения 1990 г. М.: ИА АН Казахстана, 1992. Ч. 1. С. 93–97.

Молодин В. И., Чикишева Т. А. Курганный могильник Преображенка-3 – памятник культуры эпохи бронзы Барабинской лесостепи // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. Новосибирск: Наука, 1988. С. 125–206.

Материал поступил в редколлегию 01.02.2011

V. I. Molodin, L. S. Kobeleva, L. N. Mylnikova

FUNERARY COMPLEX OF THE LATE BRONZE AGE AT THE BURIAL GROUND TARTAS-1 (BARABA FOREST-STEPPE)

Article is devoted a substantiation of a cultural and chronological accessory of the new materials which have been found out on a burial ground of Tartas-1. The design and ceramics analysis allows to connect them with known burial grounds in the archaeological literature the Staryi Sad and Grishkina Zaimka. Possibility of analogies to objects Pahomovskay cultures is marked.

Keywords: Baraba forest steppe, the Late Bronze Age, burial ground Tartas-1, funeral designs, accompanying inventory.